

Сатпрем

Эволюция II

После Человека, кто?
Но вопрос и в другом:
После Человека, как?

This book was first published in France under the title
Evolution II. Editions Robert Laffont, S.A. Editions
Robert Laffont, S.A., Paris, 1992.

Evolution II. English translation Institut de Recherches
Evolutives, Paris, 1992. All rights reserved. Translated from the
English by Michael Danino.

Эволюция II
Перевод с англ. Игоря Савенкова, Москва. 1995.

*Роберу Лаффонту
моему французскому издателю
кто отважился понять
будущее
с признательностью
29 февраля, 1992*

*миллионам душ Индии
неизвестным самим себе
не ведающим о собственном Сокровище
с моей любовью бесконечной
21 мая, 1992*

После Дарвина мы не можем представить себе новый вид иначе, как "улучшением" нас самих, надеясь, что он будет менее подвержен разрушению. Но новый вид не сможет появиться, и у Земли нет будущего до тех пор, пока мы не подойдем к ф и з и ч е с к о м у корню того, что вызывает Разрушение -- разрушение всего: людей и прочих видов, в течение миллиардов лет. И есть только один путь отыскать эту первую земную могилу -- погрузиться в собственное тело, в эти клетки и атомы, и "вырезать" из тела "нечто, что вызывает смерть", тогда как остальное живо. Тогда начинаешь осознавать, что есть тело и что в нем, без микроскопов или анестезии. Начинаешь осознавать то, что н а с а м о м д е л е можно "вырезать" великого Разрушителя, эту "Смерть, пожирающую творения" и уничтожить его. В конце этого поразительного исследования, этого рискованного приключения, по другую

сторону этой первобытной Стены Смерти, в самих этих клетках и в самом этом теле, откроешь новый род жизни, новый вид воздуха, другой ф и з и ч е с к и й способ дыхания, который никогда не появлялся со времен первой легочной системы и первой амфибии 400 миллионов лет назад -- узнаешь тайну нашей старой, смертной эволюции и откроешь дверь в новое творение Земли. В Эволюцию II.

Могучий ребенок
во чреве,
он назван сыном тела
Риг Веда, III.29.11

Он открыл истину,
Солнце,
пребывающее во тьме
Риг Веда, III.39.5

Глава 1 Эволюция II

ДОЛЖНО быть, Дарвин не раз был озадачен, когда ему становилось все яснее, что Королева Виктория т о ж е произошла от обезьяны. И великий Архиепископ Кентерберийский. Это было отчасти "подобно признанию в убийстве", сознался он, прежде чем приступить к П р о и с х о ж д е н и ю В и д о в, и постепенно стал агностиком: развалилось все наше Библейское и религиозное представление о "сотворении мира" -- революция, более глубокая, чем революция 1789 г., хотя последняя и потрясла Европу, но теперь был поставлен под сомнение наш мир, насчитывающий четыре миллиарда лет. Возможно, основным свойством человека является задавать вопросы и подвергать все сомнению.

Включая свое "гомоцентрическое" учение о сотворении мира.

Мы меняем наши политические системы и религии и идеи -- в действительности мы меняли идеи достаточно часто в течение нескольких тысяч лет человеческой цивилизации. "Разум подобен бесконечной змее, извивающейся бесчисленными способами", -- сказал Шри Ауробиндо. Так может продолжаться долго. Но превратимся ли мы в нового человека ? Не "изменить человека", ведь в действительности он прекрасно меняется, подобно хамелеону, всегда оставаясь хорошим хамелеоном -- не более того. Но превратиться в нового человека, из вида, называемого Г о м о с а п и е н с в нечто иное, подобно тому, как рыба превратилась в маленькую ящерицу, и быть может, еще более радикально ? С присущим ей всегда юмором Мать как-то сказала (о перевоплощении): "Вы казните убийцу, что очень хорошо, но он

облачиться в другие одежды" (!) Одевание человека начинает устаревать. Как и убийцы. Как и наши идеи -- еще одно кольцо гигантской змеи ?

Дарвин изучал игуан, черепах и броненосцев -- они, по крайней мере, подходили для изучения, и превратились в окаменелости без попов или помп, без идеологии. Но, в конце концов, и маленькая рыбка сменила одежду, одна вещь вела к другой, или одно обличие к другому, пока наконец не появился человек -- по божественному праву ? И во веки веков ?

Не так давно "великий" американский лидер безапелляционно заявил: "Мы вершим миром". Но и это обратится в камень, независимо от идей или религий -- как отпечаток древнего моллюска в известняке.

Так что давайте зададимся одним вопросом, который позволит нам стать нечто бо'льшим, чем палеонтологической диковинкой.

Я всегда находил удивительным и поразительным то, что со времен Ламарка, (*)

(* Французский натуралист Ламарк (1744--1829) был непризнанным основателем современного эволюционизма. Его кропотливая и гигантская работа по классификации растений и животных, которая привела его к тем заключениям, что "жизнь имеет внутреннюю склонность к прогрессу" и "виды происходят друг от друга", была встречена неистовой критикой и затем предана забвению, пока собственная работа Дарвина не утвердила пионерские прозрения Ламарка.)

который отважился написать свою З о о л о г и ч е с к у ю Ф и л о с о ф и ю в тот самый год, когда Дарвин качался в колыбели, что никто из "лидеров" нашей зоологии даже не поинтересовался тем, кто же придет на смену Человеку ? С таким запасом вооружений и р а з у м е н и й, как может эта особенная одежда быть развенченной ? Наши наследственные и королевские обезьяны не будут иметь другое "мышление", как и тупоголовые акулы и тиранозавры.

Но вопрос еще и в том: как после Человека ?

Теперь мы входим в Прикладную Зоологию, или эволюционизм *in vivo*.

И очень может быть, что все эти миллиарды лет эволюция была направлена к одной точке, где единственный вид станет способным повернуться к себе, не для того, чтобы улучшить свой мир, свои плавники или лапки, и не свои "идеи" о мире, но для того, чтобы изучить эти собранные вместе окаменелости и биологические ткани и увидеть то, что сможет возникнуть из этого вида -- как он сможет радикально изменить свою жизнь, каким механизмом, какой внутренней мощью ?

Мы предлагаем ни что иное, как зоологическую революцию. Мы ищем ни что иное, как сокрытый, и все же внутренне присущий рычаг или пружину в этом теле, которая откроет для нас двери Новой Эволюции, какой никогда не было со времен появления первых микроорганизмов три миллиарда лет назад: Эволюции II.

Да, это отчасти "подобно признанию в убийстве", подобно ... антинаучному и антирелигиозному, возможно, античеловеческому деянию. Но были ли первые двояко-дышащие когда-либо анти-рыбами ? Эволюция есть "анти-ничто": она

идет своим чередом. И смеется над нашим самомнением. Со всеми нашими уловками и украшениями, мы, возможно, не более чем Предыстория Человека.

Ты разбил на куски
пустячный холм существа
потому что он не доставил тебе
запертую сладостность жизни
Риг Веда, V.54.5

Глава 2

Благоприятная среда

МНЕ было ровно тридцать, когда я отважился на поиски будущего Человека. Или, попросту говоря, на поиски "производственного процесса", который сделает Человека -- не "улучшение" его в святости, интеллекте, средствах действия, не в его способности "следовать", ничего такого, что ослепляет блеском: я всецело посвятил себя пост-человеку. Сегодняшняя зоология, будь то научная или духовная, казалась мне какой-то претензией со страшными пещерами и безднами, или же эфемерными высотами без будущего, разве что с сомнительными небесами. Верно, Индия с ее теорией перевоплощения предоставляла более рациональный выход: вы путешествуете из жизни в жизнь, вырастая, заполняя бреши старых падений обновленной отвагой, повергая того врага, которого вы ранее не изгнали или не могли изгнать, и сценарий раскручивается, чтобы обратить поражения в новую силу и принизить ценность старых достижений, ставших тюрьмой. Вы расширяетесь, ваш взгляд охватывает все большее человечество. Но, в конечном итоге, это всегда тот же самый сценарий с разнообразными скачками и падениями и меняющимися цветами. Вы любите, и смеетесь, и рыдаете. Тогда вы смотрите на человеческий сценарий в его тотальности, больше не ради себя или ради собственного удовлетворения. История приходит в жизнь, как в вашу собственную жизнь. Вскрывается игра противоборствующих сил, обнаруживается коллективный гипноз времени, обнаруживается человеческое развертывание. Смутные очертания обретают форму, проступают разломы, подобные разломам коры древней Гондваны, от которой откололись континенты и начали дрейфовать ... куда ? И вся эта множащаяся толпа, растущая более в грубости, чем в утонченности, вечно множащаяся, подобно камню на шее Земли. Что мы можем ПОДЕЛАТЬ со всем этим ? Эволюция норовит использовать зло, как и добро: она из всего извлекает пользу, наихудшие катастрофы -- это ее лучшие возможности для изобретательства и открытия (или раскрытия). Все это говорит "нет" и затрудняет подачу топлива в ее топку. Мы вынуждены признать, как это я сделал, когда вернулся в Индию, что "среда" неблагоприятна, что означает, что она очень благоприятна для чего-то иного. Индия также говорит о п р а л а й е, конце мира, но этот конец -- только начало следующего мира: утверждается, что было шесть "пралай" до сегодняшней Земли. Земля подходит к седьмому

концу. Семь эволюционных сценариев ... "завершаются" некими разумными и весьма разрушительными гуманоидами, которые разыгрывают свой собственный маленький сценарий, размножаются и начинают все сызнова -- и так далее до смерти ? И мы начнем восьмую Землю снова ? Но все же, должен быть очень неблагоприятный момент, который даст рождение более благоприятной среде или бытию, более подходящему к красоте и долговечности Земли. Ч е л о в е к, называемый р а з у м н ы м, определенно не является тем средством, хотя он может быть инструментом в создании нового существа -- но каков же телесный, физический механизм ? Он должен быть одним, поскольку ему следовали все эти маленькие создания до нас. Эволюция ничуть не больше заинтересована в умножении наших мозговых извилин, наших скоростных шоссе, наших реактивных самолетов и чудесных идей, чем в умножении зубов акулы или ног сороконожки. Но эволюция м о ж е т использовать наше собственное удушение для того, чтобы разрушить стены, как она когда-то использовала пересыхавшие болота для того, чтобы вынудить древних рыб изобрести новый способ дыхания. Было бы ошибкой думать, что маленькие создания, будь они научными или академическими или папскими или какими-угодно еще, образуют определенную "среду": все это определяет и размечает нашу тюрьму -- с одним и тем же секретом в оболочке каждого маленького заключенного. И ее окончательный секрет -- то, что правит нами и принуждает нас -- может заключаться в том, чтобы сделать свободное существо, но не средствами еще одного изобретения, а тем, что было в самом сердце первого микроорганизма и первого атома.

Но что же это за "вещь", которую ни один ученый никогда не видел под своим микроскопом, не видел священник со своей высокой кафедры, и не видел ни один человек под самым своим носом ?

Все же ученые видели ее, некоторые мудрецы мимолетно касались ее, и изрядное число простых и несчастных людей дышали ею. Но никто и никогда не сложил эти три вещи вместе в одной человеческой физиологии.

Когда мы сможем сложить вместе $1+1+1$, тогда мы произведем новый вид на Земле.

Сокровище небес
спрятано в тайной пещере
подобно птенцу,
внутри бесконечной скалы
Риг Веда, I.130.3

Глава 3

Два конца человеческого опыта

БЫВАЮТ времена, когда человеческая панорама раскрывается перед нашими глазами или вызывает крик в нашем сердце. Это страдание, это красота в глубинах бедствий, эта бесконечная расщелина под распростретыми крыльями, затем снова длинная ужасная ночь, человеческая жестокость, жизни,

разбросанные подобно птицам на ветру, потерянная любовь -- и нечто, что бьется и бьется на дне всего этого, подобно морскому прибою, что упорно колотится о берег, любит снова и любит всегда. Дикость и возвышенный парадокс, неослабевающий поиск, кровавые следы и озаренные тропы, пучины или небеса расprostерты перед нами, и затем -- могилы, и всегда все больше могил. Потребуется немало богов и грез, чтобы смягчить это отчаяние и утешить эту Скорбь. Понадобится не один маяк, чтобы переплыть через этот шторм, где восторг носит личину чудовища и дьяволы облачены в золото. Наши храмы разбросаны по пустыне как птицы наших жизней и вторящие крики исчезнувших цивилизаций -- но эти крики звучат и звучат снова. И что это за крики ? Как птица на могиле, возвращающаяся снова, чтобы спеть свою песню и излить свою скорбь.

Возможно, этот крик уже присутствовал в первой могиле микроорганизма, четыре миллиарда лет назад. Крик столь тщетный и столь мощный, что заставил Века и виды вращаться вокруг него, несмотря ни на что, или потому что он включает все.

Так ... что же наша новорожденная Наука может сделать на переломе веков, в конце тысячелетия ? Она может сосчитать атомы нашей могилы и попытаться сосчитать другие атомы и галактики, разбросанные подобно нашим мечтам. Наука может разрушить все, и очень умело, это ее самое великое произведение. Каждое из ее чудес -- это новехонькая маленькая смерть, которую она лечит еще одной новенькой маленькой смертью -- столь же "новой", сколь новы песчинки в Нубийской пустыне. Все же она была очень полезна для того, чтобы создать хорошо-документированные человеческие полчища, вскричавшие от отчаяния в своей переполненной тюрьме. Похоже, что Тайна находится не на этом конце: увиденные через микроскоп, наши атомы бесполезны, а разогнанные в циклотроне, вызывают катастрофы. Но крик звучит и здесь, и здесь есть тайна, но наши "сокрушительные" достижения не способны снять кандалы, подобно тому, как обезьяна не может найти закон плодоношения, тряся дерево, хотя это может быть и хорошо для сбора фруктов. Но это горький сбор плодов. И в конечном итоге эта сторона человеческого опыта поставляет только "трюки" и маски -- лепит Франкенштейна -- но не подводит к мощной реальности, которая могла бы высвободиться от оков и придти в движение и принести нам золотые плоды тысячелетия.

Именно в теле должны мы идти наощупь в поисках атомов. Именно в кромешной тьме боли должны мы идти в поисках клеток. И мы должны идти с голыми руками и чистой мольбой, нет другого прямого пути.

Но с помощью какой "проникающей" мощи будем мы спускаться на дно этой физиологической темницы, сгущенной как базальт и такой же "скрипучей", как невралгия ? Причина смерти кроется здесь, и нужно подойти вплотную, чтобы увидеть, что это такое.

Нет ничего более неизвестного, чем тело -- зачем лететь на Марс или Луну, когда вся вселенная здесь ? И все же тайна всех вселенных кроется в единственной маленькой клетке. Но мы должны спуститься т у д а.

*

* *

Есть и другая сторона человеческого опыта.

Это небесная сторона.

Это колоссальное непонимание.

Здесь также открывается панорама: все те пылкие жизни, пораженные вспышкой света, те мягкие и уязвимые жизни, подавленные жалким состоянием мира, те непонятые жизни, потерянные в уединенном озарении, в бездонном понимании, сжимающем сердце, те жизни, разрываемые настоящей уверенностью в том, что могло бы спасти мир, как и беспомощным и жалким страданием посреди толчеи, те жизни жгущего алмаза, несомненного огня, поиска и вопросов, с мечом в сердце и сдержанными слезами как от безответной любви -- и также прохладные рассветы, когда жизнь ощущается одним взмахом ликующей Радости, и грандиозный взор, который охватывает все жизни подобно нескончаемому прибою великого Океана -- крик существа, навсегда по ту сторону всех печалей и всех могил.

И бедный человек бредет во тьме и толчее, не ведая о своей собственной тайне, не осознавая то, что жжет сердце, но те подавленные слезы, те безответные искания уже являются самим Ответом, все растущими и растущим, без слов или евангелий, жгущим подобно первому маленькому огню, что заставил все Века крутиться по направлению к этой неизбежной точке напряжения, где существо, одно существо прожжет наконец свою старую оболочку, овладеет собственной мощью, не круша остальных, без выдумок узнает собственный мир, полюбит все жизни, не накладывая никаких законов, будь то смертных или бессмертных, ведь оно будет знать, что жжет и зреет под всеми нашими плодотворными ошибками и другими ложными шагами в ночи.

Узнай то, что жжет тебя, попросту скажет это существо.

Используй все, чтобы поддерживать этот огонь внутри.

И цель неизбежно будет достигнута, ведь она была зажжена с первой звездой.

Но в то же время ...

Но в то же время, мы -- это тот нескончаемый прибой, бросающий свои волны на разбивающий их берег. И, естественно, мы чувствуем некий гнев на всех этих сановитых, разряженных, в чалме или с тонзурой шарлатанов, которые превозносят "закон Божий" со своих высоких минаретов или шпилей и захватывают весь этот маленький огонь для того, чтобы утвердить собственное могущество или создать собственный театр, приносящий им выгоду. Все же каждый из тех маленьких или больших храмов, разбросанных по нашей пустыне, поддерживает слабый проблеск света, маленькую кричащую жажду, которая хочет утолить великую жажду, утешить старую печаль и пролить надежду. Затем стены растут, стены, заточающие проблески света, мелькающее мерцание. "Каждый берет маленький кусочек и делает его своим целым", -- говорила Мать. И в конечном итоге надежда всегда оказывалась на небесах, спасение -- по ту сторону могил, далеко от этой несчастной плоти, из которой мы все возникли, которая держит в себе нашу поразительную тайну.

Грандиозное непонимание.

Это две крайности человеческого опыта. Один конец -- в воспарении, другой -- в смерти внизу.

Правильным ответом было $1+1+1=3$. Ведь мы являемся третьей несчастной фигурой, плавильным тиглем, в котором вырабатывается встреча небес с Землей.

Третий вид после растительной и животной физиологии.

Следуй светящейся нити
протянутой через
серединный мир
Риг Веда, X.53.5

Глава 4 Нить

ЕСЛИ мы хотим спуститься в это тело, этот комок плоти и высвободить его эволюционную тайну, то нам нужно больше "проникающей" мощи, как я говорил, но не "расщепляющей" или кровавой, поставляемых нашей Машиной. Мы почти не знаем каких-либо прямых, естественных мощностей, отличных от Разума, нашего орудия высшей обезьяны. Мы достаточно хорошо знаем, как можно использовать разум, нам известны его красоты и ужасы, его бесчисленные обороты, плодотворные, как и разрушительные, и его попытки провести субземное или субментальное исследование, что дало нам великие мифы и конвульсивные грезы, в которых дьявольское перемешено с гениальным, и коварное с красивым; смешанное знание, которое в конечном итоге остается поверхностным, ведь в этой истории мы все еще очень молоды. Странно отметить, что в каждом поле мы все еще Чародеи, достаточно искусные, чтобы вызвать силы, но не управлять ими.

Все же были и поэтические прорывы: "Millions d'oiseaux d'or, o future Vigueur ... (*)

(* "Миллионы золотых птиц, о грядущая Сила ... Артюре Рембо (1854--1891) был, возможно, наиболее вдохновленным среди французских символистов. "Я работаю, чтобы сделать из себя провидца", -- писал он в шестнадцать лет, -- "должен быть найден некий язык ... Изобретения неизвестного требуют новых форм". Также: "Человечество -- на ответственности поэта".

То, что Рембо написал к двадцати годам (из того, что известно), навсегда изменило поэзию. "Поэт воистину крадет огонь." Следующие семнадцать лет своей краткой жизни Рембо провел в путешествиях по Зондским островам, Кипру, и наконец, по Африке, молчаливый, голодный, возможно чувствующий беспомощность, чтобы выразить нечто, что могло бы изменить курс человечества: "Приходит время У б и й ц", -- написал он.)

Может быть, эти надментальные высоты подведут нас ближе к тайне и требующейся "силе" ?

Ребенком я был отдан в местную школу для "трудных" детей в предместье Парижа: темно-синяя с глухим воротником и золотыми пуговицами униформа

плотно зажимала меня до самого подбородка. Достаточно, чтобы удушить вас. И по воскресеньям, хвала господу, нас выводили в ряд по четыре на прогулку в леса Верьера. Это было очаровательно. Раз-два-три-четыре, и фуражка с маленькой золотой кокардой на синем фоне. Чтобы облегчить положение, в одно "прекрасное" воскресенье под воздействием некоего импульса я начал забавлять историями своих раз-два-три-четыре товарищей -- неизвестными историями, которые я никогда не слышал и не мог нигде прочитать. Это было очень необычно, как если бы они сваливались мне на голову и сами-с собой разворачивались. Я не имел ни малейшего понятия о том, что за истории я рассказывал (даже р а с с к а з ы в а я их!), но этот факт очень живо сохранился в моем сознании. Это было подобно знанию, спускающемуся свыше или создающемуся над моей головой, и если в этот самый момент я "смотрел" на то, что рассказывал -- пух ! все путалось, и нить терялась. Это была "нить". Это была моя первая тропа, и в течение более чем пятидесяти лет я беспрестанно ходил по ней.

Но все же эта "вещь" над моей головой оставалась потрясающей. И если временами я ощущал себя поэтом, если я тянул эту нить с повторяющимся изумлением, чтобы увидеть, что "приходит с ней", я не был удовлетворен спускающимся вдохновением или написанием новелл -- то, что интересовало меня, было человеческое приключение, которое разворачивается под вашими ногами, со всеми вашими печалью. То, что интересовало меня, было неизвестное, строительство будущего, потому что так или иначе настоящее казалось мне столь же удушающим, как моя школа в Верьере.

Может ли эта нить быть протянутой еще выше ?

После многих поисков на западе и на юге, что не принесло мне ничего, кроме человеческих страданий и страдания моего собственного, и огня, растущего внутри, но как плохо поддерживаемая вспышка, я пошел на восток -- в Индию. Это та страна, где, помимо прочего, "нить" не кончается в религии -- хотя там было миллион "религий". Также я не жаждал "небес", я тосковал по человечеству. "Спасение" очень интересовало Восток, не одного уединившегося маленького искателя.

Тогда Шри Ауробиндо сказал мне (не словами): выше, еще выше, т а м найдешь ты великую Силу.

Я восходил по этой высшей тропе в течение ... двадцати лет, рядом с Матерью, у которой я учился всему, затем отдельно, когда я начал непосредственно схватывать вещи, приходившие в мою животную физиологию. Когда вы одни, то должны делать все лучшее, на что только способны. В конечном счете есть только один путь: жажда, но жажда, ведущая к смерти. Тогда вы либо найдете поток, либо умрете. Но когда "поток" идет, это подобно грандиозному водопаду -- Ниагарскому. Сила устрашающая и ... неизвестная. Мощь ужасающая и ... проникающая.

Я могу сказать лишь то, что знаю. Что я жил, прикасался, пил. Эксперимент продолжается, и кто может сказать, когда он закончится ? Это не построение еще одной теории на вершине остальных, скорее это напоминает построение карт первопроходцами, идущими по неизведанным тропам. Возможно, это

также похоже на геологические разработки, когда ваша дрель проделывает все более глубокий проход, вниз, к первому маленькому созданию.

Но сначала мне следует рассказать вам о загадке, касающейся этой "нити", и как "путь все-время-вверх" ведет к "пути все-время-вниз", в то место, где меняются все вещи, на порог первой могилы в начале времен.

Глава 5

Врата Солнца

СУЩЕСТВУЕТ загадка.

Вероятно, самая трудная загадка со времен ночи перед Сфинксом -- и она подвешена за нить. Нить настолько тонкая и непрочная посреди нашего гама, как если бы все пытались покрыть ее, фальсифицировать и извратить ее, религия и наука, и заменить этот источник телевизионным эфиром, который вскрывает только наш собственный хаос, или заменить его церковными гимнами, которые воспевают лишь наш конечный удел.

Но как вы схватите "нить" ? Об этом трудно рассказать. И как вы пересечете эту ментальную "границу", чтобы попасть в мир знания над головой ? В моем случае все произошло достаточно естественно, незаметно, подобно воздуху лесов Верьера, но, вероятно, был долгий период подготовки в некоторых прошлых "одеждах", в лохмотьях или с золотыми пуговицами, и с нечем внутри или "под", что задыхалось и было вышвырнуто и восстало против этой черепной или атавистической коробки, и было проклято здесь и там, чтобы начать снова в другой одежде -- жажда, великая жажда нечего иного. В этом процессе нет другого механизма: подобно тому, как древней рыбе стало невыносимо плавать все время одними и теми же кругами, и она захотела подышать другим воздухом. Помимо прочего, очень символично, что я начал осознавать это явление, гуляя в ряд по четыре в плотно застегнутой форме и в воскресной фуражке.

Возможно, настало время "осветить" эту человеческую "ситуацию".

Наш череп столь же упрямый, как панцирь трилобита, а эта бедная "нить" была настолько дискредитирована устаревшим мистицизмом, что мы даже не осмеливаемся подступиться к нашим собственным источникам ! И мы слишком привязаны к рационализму, как и нетерпимы к его религиозному противнику -- "Я мыслю, следовательно, существую" или некоторое другое достижение философской и антропологической глупости: я плаваю, следовательно, существую; я ползаю, следовательно, существую; я лазаю по деревьям, следовательно, я ... Мы можем перебрать все наши эволюционные орудия, но что же с у щ е с т в у е т на самом деле ? что есть эта или другая тварь в той или иной одежде моллюска или гуманоида ? что вынуждает его с т а н о в и т ь с я ? Есть ли некий источник этого становления, который заставил маленькую рыбку стать в конечном счете нечем другим, не думая об этом (!) Наши философы могут сказать, что человек является "бесполезной страстью"(*),

(* "Человек -- это бесполезная страсть", -- заявил Сартр (1905-1980), французский экзистенциалист.) но все же эта страсть зародилась до простейших одноклеточных. И продолжается.

Тем не менее, загадка остается, ведь если мы пойдем по нити, как это сделал я, и терпеливо будем следовать за ней все выше и выше, используя хорошо известную технику йоги, то попадем в обширные регионы, очень освежающие для человека, встретим покой и свет, ощутим вспышки спонтанного знания, попадем в океан свободы, где смеющиеся чайки скользят по поверхности, погрузимся в прозрачные глубины, где улыбается такая древняя нежность, и иногда можно добраться до таких головокружительных высот, где все растворяется, как в извечной любви. И не остается ничего "известного": это попросту СУЩЕСТВУЕТ. И это все, что существует. И все охвачено и объединено навеки.

Если люди глотнут хотя бы немного этого воздуха, то, несомненно, станут жить лучше. Это в пределах достижимого, и не так уж высоко, как мы думаем. Но если мы еще немного потянем за эту ниточку, то обнаружим, что наша голова медленно погружается в сон. "Они засыпают в Бесконечном", -- сказал Шри Ауробиндо с неподражаемым юмором. И если мы настойчиво продолжим, то подойдем вплотную или упремся в новый, окончательный барьер, или скорее всего мы остановимся на расстоянии вытянутой руки перед ... нечто, сиянием столь плотным, что наше физическое строение не может пройти через него: "Лик Истины закрыт сверкающей золотой крышкой", -- говорят Упанишады. Мы достигли "Ворот Солнца", *S u r y a s y a d w a r a*, через которые никто и никогда не проходил, не покидая тело.

Никто не вернулся оттуда живым.

Между ментальной границей и крайним верхом надментальной границы простирается поле человеческого исследования -- Будда и некоторые другие подходили к этой дальней линии, блаженные, и растворялись в Нирване. И это все ?

Он широко
разрезал эту тьму,
как снимают шкуру животного,
так что он смог подставить нашу землю
под озаряющее солнце.
Риг Веда, V.85.1

Глава 6
Шри Ауробиндо

ЧЕТЫРЕ миллиарда лет и печалей растворить в вышине ?
Но это чудовищно.
И все эти могилы чудовищны.

Я ВСКРИЧАЛ в камере смертников -- и сколько раз прежде ? Если человек на самом деле является "бесполезной страстью" и вся эта эволюционная резня -- смертное безумие, и наши наиболее прекрасные гимны -- вопль красоты и храбрости вопреки Железному Року, тогда становится понятно, почему сейчас эти маленькие бесполезные страсти вооружаются автоматами с ног до головы и вся эта мировая алчность копит бомбы, чтобы уничтожить Ужас. И добавить еще один ужас на вершину остальных.

И все наши небеса никогда не объединят нас.

Разве Земля объединена ?

О чем Будда (и другие) поведал нам, глядя на эту Скорбь тварей и деревьев и изможденных детей ? В чем его Послание ? Н е т н и к а к о г о д р у г о г о Послания, кроме как сменить свою шкуру и свою физиологию и произвести другое существо на Земле, которое обратит условия Эволюции.

Так что давайте обратимся к фактам и постараемся поменьше вдаваться в философию.

Был человек из плоти и крови, революционер, боровшийся с Британской тиранией в Индии. В разгаре своей деятельности, а не в аскетическом уходе, однажды в Бомбее, этом городе грязи и нищеты, гуляя по террасе, этот совершенно цельный человек, наделенный всем нашим Западным разумом, был подхвачен, унесен наверх и поглощен в Нирване -- как Будда две с половиной тысячи лет тому назад.

... как риф,

увлекаемый безбрежной бездной, уходит мир

Четыре месяца спустя он был арестован британской полицией и посажен за решетку в Калькутте, его ждала виселица.

Это был Шри Ауробиндо.

Испускал ли он этот крик ?

Сколько было таких криков, сколько смертей ?

Сколько безутешных трагедий ?

Должно быть, он родился мудрым и бесстрашным, раз уж вместо бесполезных бунтов он стал молчаливо "тянуть нить". И некий братский голос, с той стороны могил (это был Вивекананда) сказал: выше, еще выше, за последнюю черту.

После года тюремного заключения, оправданный, он нашел свое пристанище во Французской Индии, в Пондишери, где в течение сорока лет, с 1910 по 1950, он исследовал и прокладывал путь в неизвестном, за последней чертой.

В спокойном письме -- а все было столь спокойно, столь прозрачно в этом существе из плоти и крови -- он просто описал человеческую перспективу и цель:

"Только поднимаясь к высшему сознанию за пределы ментальной черты ... может человек избавиться от своей неспособности и своего неведения. Его полное освобождение и озарение придет тогда, когда он пересечет эту линию и вступит в свет нового сверхсознательного существования. Это то превосходство, которое было целью стремления мистиков и духовных искателей."

"Но само по себе это ничего не изменит в творении здесь, бегство освобожденной души из мира не имеет никакого значения для этого мира. Но это пересечение линии, будучи обращенным не только к восходящей, но и к нисходящей цели, будет означать трансформацию ментальной черты из того, чем она сейчас является, из крышки, барьера, в место прохода высших мощностей сознания Существа, находящегося сейчас над ней. Это будет означать новое творение на земле, привнесение предельных мощностей, которые перевернут условия здесь ..."

В течение сорока лет Шри Ауробиндо "трансформировал линию" и подготавливал поле для Э в о л ю ц и и П, которая перевернет законы нашего человеческого и земного состояния, и в с е законы, какие существовали четыре миллиарда лет -- научные, религиозные или зоологические.

Это несколько похоже на сумасшествие, но чем могла бы показаться первому граниту та прелестная чайка в наших небесах ?

"Думаю, что могу сказать, что день за днем, из года в год, я проводил более скуплезные испытания, чем любой ученый когда-либо проверял свою теорию или свой метод на физическом плане."

Но это метод во плоти.

Сорок лет исследований и уединений при общем человеческом непонимании ... Длительное путешествие, и, как мы увидим, опасное путешествие, по сравнению с которым круглосветное плавание Дарвина на корабле Б и г л ь покажется легкой прогулкой.

Но в конце этого путешествия мы, возможно, найдем эту "проникающую" мощь, которая высвободит из клетки "миллионы золотых птиц".

Что мне делать
с тем, из чего
не извлечь
нектара бессмертия ?
Брихадараньяка
Упанишада, IV.5.4

Глава 7

Наша человеческая задача

ВСЕ время я пытался рассказать об этом невероятном открытии, ощущая нечто подобное безысходности.

Это думающее орудие было дано нам, человечеству, для того, чтобы мы попытались понять и поняли бы наконец наше уникальное положение, тогда как бедные виды до нас, боровшиеся в своих болотах под палящим солнцем или под покровом льда, были сожжены и появлялись вновь лишь по случаю. Пытались ли люди понять свое удушье и свою мощь найти отсюда выход ? Или же они собираются предоставить кровавому шансу возможность найти выход из эволюционного тупика ? "Сражающаяся в с е - т у п о с т ь, лига глупости

всех мастей, закупорила мир свинцовой крышкой, которая душит нас внизу", -- воскликнул Эрнест Ренар (*) уже в конце прошлого века.

(* Французский историк, философ и писатель (1823-1892), имевший отвагу подвергнуть сомнению всемогущие церковные авторитеты своего времени.)

Но выход был еще не там. "Путь", ведущий к выходу, непременно появляется, когда вызывает нужда. И я чувствовал подобно мыслящему и побитому свидетелю -- "ничтожному я", как сказал мой брат Вийон(*)

(* Франсуа Вийон, великий проклятый и чувственный поэт Средних Веков (1431-?), узнавший темницы некоторых епископов и много раз заточавшийся в тюрьму, достаточно, чтобы познать скорбь "человеческих братьев". После приговора к повешению ему смягчили наказание, и он исчез без следа.)

в своей Б а л л а д е П о в е ш е н н ы х -- волнующих душу приливов, которые могли бы изменить все, балансируя на гребне четвертого миллиарда лет, на краю великого эволюционного котла. Разве мы не пытались поймать ключ и выполнить нашу человеческую задачу, которая всегда состояла не в том, чтобы изобрести то или иное хитроумное приспособление, а открыть в нашем старом эволюционном каркасе то, что всегда было готово идти дальше -- и это то, что всегда было, в конечном итоге, потайным рычагом всех этих миллиардов попыток: победа над смертью, конец этой нескончаемой баллады повешенных? "Кладезь меда закрыт скалой", -- говорили Риши Вед.

Но из-за собственного неведения я совершал промахи: хотя я читал Шри Ауробиндо, слушал Мать, в течение двадцати лет был свидетелем того, как движется она ощупью в ночи будущего, был свидетелем ее заминок, ее сияющих прорывов вперед, ее стонов дать рождение новому миру -- был свидетелем ее одиночества посреди духовной орды вокруг нее, которым не терпелось основать новую религию. Я, выживший, поставленный вне закона, нес ужасную ответственность. Я должен был сообщить, донести свое свидетельство -- я должен поблагодарить ту Любовь, что поддерживала меня столь долго, и оставался только один путь, пришел мой черед попытаться и погрузиться в этот старый эволюционный каркас. Тогда я понял свое мыслящее неведение, которое думало, что ухватило секрет, тогда как оно уловило только весьма отдаленное очертание, мерцание, надежду. Я писал книги, но теперь я попал под жуткий ливень, новый вид эволюционного спазма, который может произвести неизвестное существо или старый смертный беспорядок, как если бы это тело жило самим спазмом мира, его смертью вместе с его новой жизнью, его противоречием и железным или реликтовым сопротивлением вместе с тем, что расплавляет железо -- препятствием вместе с самой мощью, которая закована в препятствие. Ведь невозможность -- это всегда ворота в следующую возможность.

Теперь я расскажу, к чему я прикоснулся и что исследовал -- о десяти годах моего собственного путешествия.

Ведь теперь открыта дорога новой эволюции, я знаю это, путь открыт, я знаю это, это более не обещание на будущие времена: это б ы л о с д е л а н о, через все наши вопли и убийства и бессвязности; золотая или свинцовая "крышка" пробита, широко расколота, Ворота Солнца распахнуты для нас и раскалывают

нас на тысячи кусочков -- ведь Новое может сжигать -- чтобы затем мы воскресли, как Феникс из пепла. И кто закроет этот солнечный шлюз? Сейчас он сотрясает мир куда как более неумолимо, чем все Потопы древности. Это та "благоприятная среда", которой никогда не было, ведь мы достигли конца человека и должны поторопиться, прежде чем человек положит конец своей Земле; ведь теперь настало время, когда, в конце нашей дороги, мы держим в руках наше собственное разрушение или нашу собственную перемену. Так что давайте бросим последний спасательный круг тем, кто хочет этого. Ведь Надежда здесь, если мы хотим ее; Путь здесь, если мы хотим его -- и Время пришло, хотим мы этого или нет.

Неистовы они,
и все же они собратья
непоколебимой светящейся Силы
Риг Веда, V.52.2

О, господин энергии,
называли они его
за полную и плотную субстанцию
Риг Веда, IV.31.7

Глава 8 Капельный молот

СУЩЕСТВУЕТ спокойный океан над жизнью, и когда мы устанавливаем с ним достаточно прочный контакт, когда "нить" совершенно ясна и близка, тогда мы можем найти этот океан где угодно, в подземке и во всех мыслимых и немыслимых местах -- он присутствует в е з д е, поддерживая нас, мы можем погружаться в него по желанию, и весь этот хаос мира, эта боль и беспорядок мира исчезают на время в такой очень спокойной и обширной сладостности ... Мы освежились и можем продолжать нашу сумасшедшую и беспорядочную жизнь. Можно было бы считать, что нечто было утрачено в нашем воспитании маленьких интеллектуальных варваров, и попытаться это исправить, так чтобы вещи столь прекрасные и освежающие могли бы быть постепенно влиты в детей, которые несли бы их лучше -- и дальше, через всю жизнь -- чем аксиомы Эвклида или Божьи заповеди.

Но такой цивилизации мудрости не видится в перспективе, и в лучшем случае мы произвели бы только "лучших" людей, хрупкий и смертных, и определенно слишком многочисленных. Ушло время "становиться лучше", настало время стать кем-то иным.

Если у нас хватает отваги пересечь ту океаническую пленяющую черту, тогда вещи начинают принимать совсем другой оборот. Наш покой уходит, наши улыбки уходят, мы выброшены на бешеный берег и оглушены им, со всем этим хаосом изведанного мира, распростертого над нами, за которым следует все

неизведанное -- скрипучее, злобное, мрачное -- в наших эволюционных катакомбах.

Это дерзкое, трудное, рискованное предприятие -- и изнурительное, воистину такое, как если бы мы дали волю нашим тысячелетним врагам. Все говорит НЕТ. И это "нет" идет не откуда-то снаружи, оно под нашей собственной шкурой, вместе со всеми отметками, которые мы несем в нашей животной физиологии. Понадобилась отвага Шри Ауробиндо и Матери, чтобы пробить путь через все это и "высвободить" Мощь, которая будет сильнее, чем все эти Века жестокости и смерти.

Как первое следствие этого мощного освещения выгоняются из своих нор все эти маленькие твари, таящиеся во тьме. Поток низости. Это то, что сейчас происходит в мире, как в теле открывателя -- идет "рас-крытие".

В сущности он рас-крывает Смерть, ведь это есть первая "тварь", из которой выходят все остальные. И пока эта тварь не побеждена, ничто не может быть достигнуто, всегда все нужно будет начинать сначала. Как Мать объяснила это столь просто: "Пока смерть здесь, вещи будут подходить к плохому концу."

Вот как это работает.

За той океанической или надментальной чертой, как мы называли ее, мы вступаем в губительную зону, ничейную страну -- по-настоящему девственные земли без троп и указателей -- характеризующиеся ... сокрушительной плотностью, давление которой все увеличивается по мере того, как мы все глубже погружаемся в нее, как если бы мы входили в затвердевший воздух, но "мы", входящие туда, это наше тело. Когда я впервые вступил в эти регионы, я сказал себе, или тело сказало себе: "Это жидкая твердыня -- или твердая жидкость !" И в некотором новом состоянии сознания (к которому мы вернемся позднее -- это очень интересное и забавное сознание, которое не имеет ничего общего с нашей интеллектуальностью или нашими волшебными вымыслами), мне был показан "океанический куб" -- кусок сапфирно-голубого океана с серебристо-мерцающим сиянием, но в форме куба, и ничто "внешнее" его не удерживало. Он был настолько "тверд", что держался сам по себе, и все же это была жидкость. Я сказал себе: "Это новое состояние Материи ! Четвертое состояние Материи, более не твердое, жидкое или газообразное, а нечто иное." Но только попытайтесь перевести это предположительно твердое и материальное тело в нечто более твердое, чем оно само. Это как пройти сквозь стену. И, естественно, оно нагревается, как когда вы пытаетесь пропустить через него слишком сильный ток. Все же эта вещь -- "жидкая" или "флюидная", иначе было бы невозможно пройти через нее. Но все сопротивляется, да еще как ! Со всей мощью и подобно тому, как если бы миллионы геологических лет скопились в одном теле.

Тем временем нас захватывает некий необратимый процесс, и мы уже не можем повернуть вспять, если не решим оставить это тело. Чем дальше мы проникаем в эту плотную зону (может быть, лучше ее назвать плотное "излучение", у нас нет подходящих слов для ее описания), скажем, в эту "среду", чем выше мы "ухватываемся" и чем глубже мы в нее погружаемся, чем она становится плотнее, мы о д н о в р е м е н н о ощущаем не менее

нарастающее сопротивление. Чем плотнее растет эта Мощь, тем глубже она внедряется в сопротивляющиеся телесные слои, которые начинают чувствовать, что они умирают. Подобно капельному молоту: по мере того, как растет капельный столб и чем выше он поднимается, тем больше разгоняется "спускающаяся масса", тем больший она приобретает импульс, чтобы сокрушить препятствие и пронзить геологическую породу или сопротивляющуюся физиологию. Тело начинает ощущать себя буровой скважиной, за исключением того, что эта геологическая разработка проводится во плоти.

И все мировая геология присутствует здесь, ибо где же кончается эта Материя ? Где ее "стена", если это не весь географический шар -- или за его пределами

...

Так мы все более и более захватываемся новым видом необжитой или не совсем обжитой жизни, как если бы мы погружались во все более твердую и агрессивную смерть. Все вместе. До такой степени, что вы больше не уверены, живете ли вы каждую новую секунду или умираете в каждую прошлую секунду -- подобно двум наложенным друг на друга существованиям, одно еле живо, а другое чуть не убило вас. Два наложенных, сосуществующих существования или два способа дыхания. И вы не знаете, какое из них переживет другое.

И капельный молот работает и работает, бьет изо дня в день, из года в год: все плотнее и плотнее, но все само-очевидней становится жизнь, и все более и более сгущенная, но рас-крытая смерть.

Это процесс очень длительный и напряженный, поскольку, совершенно очевидно, вы не можете сразу же проникнуть через всю эту солнечную плотность, не разорвавшись на куски, и, не менее ясно, что эта же самая плотность не потерпит ни одного атома смерти -- так что мало-помалу вы умираете, маленькими дозами, но вы и ЖИВЕТЕ мало-помалу, как если бы за пределами смерти, каждый день изумляясь, что вы по-прежнему на двух человеческих ногах.

Но достигнем ли мы в конце концов последнего атома смерти? Той конечной точки, где остается только другой "воздух" и другая жизнь ?

О, Дерево, хранящее восторг,
уходящий на сторону,
подобное лону матери,
дающему рождение,
услышь мой крик и доставь восторг мне
Риг Веда, V.78.5

Глава 9
Новый закон

ВЕСЬ процесс чрезвычайно механистический. Что совершенно естественно, поскольку его задача состоит в том, чтобы вызвать определенные

трансформации в теле -- какие именно, мы не знаем. Мы знаем ничуть не больше, чем рыба знала, как поменять плавники на лапки -- и какой прок от этих лапок ? Вы побуждаемы или принуждаемы необычайной материальной Мощью, которая делает из вашей жизни непостижимые вещи, с непостижимой целью -- какой прок в том, чтобы быть раздавленным ? Раздавленным чем-то подобным солнцу -- новым солнцем ? Следующим солнцем ? Но вы не совсем знаете, что это такое. Если бы Шри Ауробиндо и Мать не открыли бы путь и не попытались бы рассказать об этом, вы бы в страхе бежали с первыми каплями этого грозного ливня. Хотя не совсем так ! Первые "капли" просто восхитительны, тело и клетки наполняются текучим, пропитывающим, плавным восторгом -- прямо как вишни в бренди ! Я часто вспоминал сестру моей материи, которая осенью запасалась вишнями и вымачивала их в старом бренди ! Но теперь здесь миллионы маленьких вишен, здесь, в теле, пьющие и пьющие и впитывающие этот невероятный Нектар, дающий жизнь, и какую жизнь ! Как если бы они никогда не знали жизни, как если бы они впервые начали жить ! И в то же время они распознают нечто, что им, может быть, было известно тысячелетия назад: "А! Это было, это было !". Такими они становятся, одурманенными и ошеломленными, купающимися в тех водах юности. О, ни один из тех "экстазов" в заоблачных высях не стоит этого телесного чуда, как если бы вы приземлились в божественном -- неизвестном божественном. Следующем божественном ? Метафизическое стало физическим в старом ... пораженном и ошеломленном создании.

Это "купание" продолжается несколько недель, затем "капли" становятся все более плотными, увеличиваются в размерах, становятся проливными, тревожащими -- сокрушительными. Повелительными. И Машина набирает обороты, волна за волной, изо дня в день. Тяжело, еще тяжелее и ... хватит паниковать, хилое маленькое тело, которое никогда не переживало такую вещь со времен первого лона первой матери немых созданий. Но эти клетки всегда будут помнить, что они пили, ту Жизнь, в которой они вымачивались на заре времен -- и именно эта несглаживаемая память проведет их через все будущие тяготы. Возможно, именно эта память вынуждала все наши бредшие наощупь виды на поиски их Нектара, полного и законченного.

Тяготы здесь.

И уже нет ни одного из тех прекрасных переживаний в заоблачных высях, нет счастливого и обширного света, нет никакой литературы -- я мог бы даже сказать, нет сознания или явления сознания (за исключением одного или двух, и очень неожиданных): вы идете в ночи, и опять в ночи, в нескончаемой и болезненной ночи в теле, и все больше чувствуете себя как в душной бездонной шахте -- шахте агонии, так это происходит. Все старые человеческие способности покинуты, и вам кажется, что вы все больше и больше погружаетесь в изнеможение, как если бы угасла вся старая витальная энергия, но в т о ж е с а м о е в р е м я вы погружены, пронизаны и разбиты превосходящей Энергией, находитесь на грани невыносимого -- и граница отодвигается назад каждый день, или должен сказать, каждый час, как если бы

вы были на самом краю смерти, которая все не наступает, и на пороге жизни, для рождения которой требуются века.

Возможно, время столь же мучительно двигалось для древней рыбы, дышавшем другим воздухом на берегу -- под подавляющим солнцем ?

Очевидно, первые шаги в новом обучении тела заключаются в том, чтобы научить его не паниковать. И единственный способ сделать это -- поставить его в совершенно безвыходное положение, чтобы показать ему, что оно не умирает вопреки "законам" -- которые были лишь законами старых научных и медицинских творений. Два трудных "объективных урока" преподносят сердце и мозг. Так у вас начинаются затруднения с сердцем, длительные и иссушающие, и достаточно близкие к "пределу" -- раз, два, десять раз. Если вы пойдете консультироваться к доктору, с вами покончено. Мораль для вас: никогда не ходите консультироваться к доктору рыб, если вы хотите стать гуманоидом, а также не ходите к священникам, ведь вы не можете вознестись на небеса людей со своим телом. Затем следует последняя "сердечная атака", и необычайная "слюна" начинает выделяться во рту, прозрачная как никакая другая слюна и столь обильная! Она течет и течет в горло, подобно эликсиру. И атака прекращается. Так работает эликсир. После этого вы покончили с "атаками" и покончили с верой в "закон сердца". Что касается мозга, то это труднее вынести, я несколько раз серьезно пугался -- особенно один раз, когда ощущал нечто подобное тому, как если бы железную трубу протаскивали через мозг к задней части черепной коробки. Затем следует серия вспыхивающих друг за другом "очагов" и так много никогда ранее не происходивших "взрывов", что вы больше не верите в "закон мозговых извилин". И наконец тело больше не верит ни в один закон, потому что оно постоянно умирает и постоянно находит себя все еще стоящим на двух ногах, дыша ... с трудом. Спустя несколько лет оно ЗНАЕТ, что существует другой Закон -- единственный Закон, новый закон, по ту сторону вод, по ту сторону смерти. И это тело само знает, спонтанно и очевидно, что оно стоит на краю могилы и нечто пытается вытащить его оттуда.

Полна твердого могущества
их сияющая энергия,
остр их сверкающий свет
Риг Веда, V.86.3

И ты подставил
свету саму Скалу
используя сверкающую силу
и ты нашел обширность
Риг Веда, V.30.4

Глава 10
Дыхание над могилами

НО все же, как это вообще работает? Должна происходить какая-то достаточная логичная физиологическая работа, пока мы находимся в этом переходном состоянии от старого животного к другому, неизвестному и непостижимому продукту.

Какой новый орган должен быть сформирован, или какой старый орган должен претерпеть модификацию? -- вы не можете перепрыгнуть от рыбы к птице, или, как бы то ни было, без нескольких "переходов". Когда, кто знает, произойдет внезапная мутация? Но внезапное должно быть подготовлено некоторой предшествующей инкубацией. Я помню слова Матери: "Я чувствую себя так, будто вылупляюсь из яйца" (!)

Тело долгое время остается неспособным вынести этот ливень или найти способ переносить его -- "могущественные воды", как называли их Риши Вед. Тело напрягается и делается негибким и безнадежно пытается найти приемлемое "положение". Оно пытается как-то усесться, стоять, лежать, пробуя тысячи вариантов в каждой из своих невозможных позиций -- в точности как рыба на песке, которая "удивляется": "Сейчас посмотрим, может быть лучше лицом вниз, или на спине, или ... ?" Год за годом, тело опробовывает тысячи способов причинить себе вред. Оно з н а е т, имеет добрую волю ("идиотскую добрую волю", как говорила Мать), но что из того? Нет никого, кто рассказал бы вам о том, что происходит. И я помню, как сказала Мать после ухода Шри Ауробиндо: "Это такая милость -- иметь кого-то, кто может р а с с к а з а т ь тебе ... Шри Ауробиндо ушел, не рассказав нам свой секрет." Долгое время эта короткая фраза поражала меня -- почему он не рассказал нам? Так что тело держится, год за годом, в своем горестном неведении. Если оно героически держится прямо, то превращается в "железную болванку" -- и затем вас всего начинает охватывать жар, подобно тому, как если бы оно обладало громадным электрическим сопротивлением, а через него пропускали ток; если тело решает позволить себе быть в движении и "пусть все происходит так, как происходит", то оно корчится от боли и раскачивается вокруг проклятой спинной мачты, которая натягивает свои ванты то вправо, то влево, и если "вещь" действительно проходит вниз через два позвонка, то напряжение уже не то, как когда она достигает третьего, четвертого и так далее. Достаточно, чтобы привести вас в отчаяние, и вам нужно быть достаточно упорным -- как рыбе на песке. Но если вы не сможете найти "уловку", то умрете. И к т о сможет сказать вам, в чем состоит уловка -- нет никакой уловки! Нет способа научить вас стать новым видом, поскольку его никогда еще не было; если бы мы знали "способ", то все уже было бы сделано! Точно также, как нет способа или учебника научить плаванью в шторм: единственный способ -- это не тонуть. И тело либо "пройдет медные трубы", либо нет. Единственный путь -- это СТАНОВИТЬСЯ, день за днем и год за годом. Вы становитесь тем, что за пределами смерти, но не умираете от смерти! Просто вот так.

Но "в конце" вы осознаете, подобно той рыбе-простофиле, что вопрос состоит не в том, чтобы найти химерную "позицию" или лучший способ метаться по песку, а в том, чтобы д ы ш а т ь.

В той "железной болванке", и несмотря на сопротивление или благодаря ему, тело со временем начинает осознавать некоторые более болезненные "канавки" и открывает свою новую физиологию через ту самую точку, которая причиняет наибольшую боль или более всего сопротивляется -- прямая радиология.

Микроскопически точная. И тело начинает осознавать, что тем трудным или "греющимся" бороздкам, тем "токам", более плотным или более густым в каких-то местах "телесной географии", соответствует движение старых легких, как если бы с каждым вздохом вдыхалась свежая порция того ливня, что приходит свыше и начинает циркулировать. Это двойное дыхание: наряду со старым кислородом, втягиваемым в легочные пути, вдыхается и другая разновидность "нечто", что входит и начинает циркулировать, используя для механической поддержки дыхательные мешочки, изобретенные нашими братьями-амфибиями. Тело открывает новые циркуляционные тракты. Оно даже может начертить ... их болевую схему.

Это большой шаг вперед в Эволюции II.

Если тело открывает свои циркуляционные тракты, это означает, что путь очищен.

Но это только начало.

И как всегда в эволюции видов, цель старого -- привести к новому, ничто не создается *ex nihilo* (из ничего). Так тело замечает, что эти болезненные колеи, как будто бы суженные, уже были издревле известны в Индийской йоге и Дальне-восточной медицине -- акупунктуре: в йоге их называли двумя "каналами" *кундалини*, расположенными вдоль позвоночника -- но эти каналы проходят дальше вниз к кончикам пальцев -- и в медицине их называли *меридианами*. Но теперь эта система работает больше не так, как знали в Древности. Эти каналы больше не служат путем подъема силы сознания вверх, к макушке, где они "выпускают на свободу" в счастливое пространство, теперь они являются путем для спуска и циркуляции того "нечто", совершенно невозможного для старых вулканических извержений в телесной геологии.

После семи лет метаний и поисков наощупь в моей "железной болванке", тело даже ухитрилось нарисовать грубую схему циркуляции, как оно переживает ее (Кто знает, может спустя несколько лет или позднее схема снова изменится!). Теперь, что же это за "нечто"?

Очевидно, это новый вид дыхания, которое не заменяет старое, а накладывается на него, и здесь остается только процитировать Веды: "Он заставил фонтанировать из одной скважины человеческие силы и вещи божественные" (Риг Веда, IX.70.3). Но Риши нарисовали весьма туманную картину -- с умыслом, несомненно -- и просто сказали "вещи". Но это новый вид "воздуха" или энергии -- могущественной энергии!

Мы можем описать ее так, как переживаем, но в зависимости от препятствия или уровня тела, где она протекает, эта энергия переживается по-разному. То, что было "каплями", становится ливнем и, наконец, Ниагарой. То, что клетки с восторгом приветствуют, становится подавляющим и сжимающим на уровне сердца и мозга. То, что было твердо-жидкостным, все осязатее становится более твердым на первичном уровне скелета -- и сопротивление растет и

растет. Наконец, я назвал это "нечто" "молнией", потому что оно имеет невероятную скорость -- мгновение ока, и оно достигает кончиков пальцев -- и такое же "проникающее" или непреодолимо (должен сказать, неумолимо) крушащее и пробивающее, как шаровая молния. "Это" проходит через макушку и бросается вниз, чтобы ударить по непревратимому препятствию, сгущенному, словно базальт, остающемуся всегда одним и тем же, п о д с т у п н я м и. "Молния" бьет туда, отскакивает от препятствия, поднимается, чтобы ударить снова, и снова, и снова, с каждым вздохом. Это "капельный молот", о котором мы уже говорили, или скорее разновидность бурильного молотка: вы, тело, это та внутренняя полость, где происходит "удар". Здесь, внизу, базальтовый или минеральный слой, который кажется столь же отражающим и обширным, как Земля. Затем, однажды, я наткнулся на более точное определение этой могущественной дыхательной или пневматической Энергии, определение, оброненное Шри Ауробиндо в ходе бесед, как бы небрежно. Этот плотный, солнечный элемент выше последней надментальной линии, линии, которую мы предположительно не можем пересечь, не оставив тело, Шри Ауробиндо назвал "Сверхразумом" или "Супра-менталом". Он сказал просто:

"Сверхразум тверже алмаза, и все же текучее газа."

Так у нас есть новый вид двойного дыхания, наложенное дыхание ... молние-подобное и "сокрушающее", если можно так сказать. Но прежде чем эта новая природа сможет стать полностью естественной, ее очень трудно вынести, и она кажется несовместимой с жизнью, как хорошо это знали маленькие рыбки. Не будь он "текучим", вы бы были расплющены как блин, или взорвались изнутри, как глубоководная рыба, вытащенная на поверхность. Это происходит, или становится, в маленький дозах.

Но что же эта новая "вещь" сокрушает, колотит или бьет с быстротой молнии? Чего она добивается? Что будет после? Какова ее эволюционная цель? Если она расплющивает нас и вколачивает в Землю такую энергию, то ПОСЛЕ нечего должно произойти.

Тело дает простой ответ: это сокрушение нашей могилы, это дыхание над могилами.

О, Огонь, ты Посланник
между землей и небом
Риг Веда, III.3.2

Он вступил
в небеса и землю
как если бы они были одним
Риг Веда, III.7.4

Глава 11
Клеточный мост

ВО время работы этой безостановочной Машины -- ибо кто же может перестать дышать, даже если это причиняет боль! -- вряд ли остается какое-либо "сознание", кроме сознания тела, или, другими словами, сознания "рабочего", который день за днем трудится в этой упорствующей телесной магме и довольно безнадежно пытается найти то "положение" или движение, которое причиняло бы меньшую боль и обеспечивало бы лучший проход той настоящей и беспристрастной Молнии. Другое сознание рабочего, ментальное или витальное, прекрасные грезы и идеи, отлетели прочь, чтобы дать дорогу тому единственному полю боя. Вы стали почти ничем и некоторой идиотской вещью. Все же в этой магме встречаются два повторяющихся и почти естественных явления сознания, также и неожиданных, потому что это сознание выходит прямо "из шкуры", если можно так выразиться.

Поначалу я не переставал удивляться и задавать вопрос -- почему? С того времени, как упали первые "капли" Нектара, и я начал все глубже и глубже погружаться в эту телесную шахту под давлением Огня свыше, я не прекращал видеть "умерших" людей! Моя старая голова была, увы, "твердолоба" и "мертво закреплена", так что я не был посвящен в знание потустороннего мира. Тем не менее, теперь я начал видеть весь образ действий умерших людей, причем тех людей, которыми я как-то особенно или вообще не интересовался, и они приходили ко мне и рассказывали или показывали свои истории (как всегда, несчастливцы) и иногда сообщали кое-что неожиданное. В череде всех этих печальных незначительностей я вспоминаю, например, моего дядю, законченного и даже махрового материалиста и картезианца, который не верил ни во что, кроме благой и богатой жизни. Когда я увидел его, то выразил ему свою признательность, потому что именно он подарил мне первую лодку; он ответил: "О, жизнь -- это столь незначительная вещь". Я был несколько не удивлен. Увиденная с другой стороны, вся жизнь предстала пред ним в совершенно другом свете: как маленькая картинка на фоне большой панорамы. Но, черт возьми, почему я должен был смотреть на всех этих умерших людей, и глазами моего тела, поскольку в тот момент это был единственный вид сознания, находившийся за работой? Я не был никаким "ясновидящим", никаким медиумом: я был моряком, вглядывающимся в цвет моря, когда оно начинало штормить, и небо наливалось свинцовыми тучами, гонимыми на юг, и мой кораблик начинал трещать на ветру. Это "явление" стало повторяться так часто, что если я видел кого-то во сне, то почти серьезно склонен был считать: "Должно быть, он умер". И я искренне удивлялся и все больше задавался вопросом, почему на земле я не вижу живущих (кроме тех случаев, когда нужно было что-то сделать -- всегда это было действие и всегда был рабочий, пытающийся привести в порядок вещи и прояснить "ситуацию"), и помимо прочего, почему я не видел тех, кого любил -- мою мать, например, которую я очень любил. Она думала обо мне, а я о ней, но я никогда не видел ее. Почему? Я даже сказал себе: "Я увижу ее, когда она уйдет в мир иной" -- чему суждено было случиться. Но почему так происходит, что препятствует встрече, за исключением внешней встречи или встрече по переписке? Тогда я начал

размышлять. "Должно существовать нечто в ее материальной субстанции, что толще или "больше скрывает" в ней, и "менее непрозрачно во мне".

Затем произошла еще одна встреча по ту сторону могил -- и на нашей стороне, все одновременно -- которая еще более заострила этот вопрос. Это была встреча с одним морским врачом, очень дорогим мне, живущим поныне другом: я не видел его, не видел даже его лица, но у нас был очень длинный разговор, который, однако, не оставил во мне никаких воспоминаний; и я видел какую-то женщину, незнакомую мне, которая "жила этажом выше" этого моряка. Я видел ее очень отчетливо, и потому могу описать ее лицо: острое, ясное, полное сознания. Когда видение ушло, я очень долго изумлялся, кем же могла быть эта женщина, "живущая этажом выше". Тогда я вдруг вспомнил, что мой друг потерял свою мать два года назад -- это была она! Его мать, которую я вообще не знал.

Я не видел моего друга, но совершенно отчетливо видел умершую женщину. Это наводило на некоторые размышления.

То, что мы продолжаем жить после смерти, это совершенно очевидно, во всяком случае, для меня, и мы знали это со времен ... даже до Древнего Египта. Это не новый феномен. Новый феномен (новый для меня), начавший вырисовываться в моей неопределенной географии, заключался для меня в том, что э т о сознание материального тела, наиболее подверженное разрушению, наиболее смертное, то, которое мы оставляем в ящике с нашими костями, -- это единственное сознание, которое видит, которое имеет доступ на ту сторону могил ... Другие сознания -- ментальное, витальное или высшее -- уходят, продолжают жить, не сказав ни слова, но это совершенно банальное сознание рабочего, имеющего дело с материей, эти бранные клетки, осознающие, главным образом, боль, все это разрушение, и уносящие с собой некоторые воспоминания о своих печалях -- все же и м е н н о э т о стоит одной ногой по эту, а другой -- по ту сторону могил. Что это означает? Как если бы э т о был мост. Как если бы, можно даже сказать, э т и к л е т к и могли дышать воздухом с обеих сторон, и делать это совершенно естественно, поскольку нет ничего более естественного, чем тело. И, более того, это бедное клеточное сознание, простое и непосредственное, о котором так плохо заботятся, почти всегда покрытое нашими рациональностями, нашим ментальным гамом, нашим эмоциональным туманом, нашими социальными или медицинскими или прочими императивами и догматическим багажом уловок нашей науки, это телесное сознание, погребенное под спудом всего того, что говорит о "правильном способе жизни", есть т о с а м о е с о з н а н и е, которое не только видит или прикасается к другой стороне смерти, но видит "мертвых" более живыми и непосредственно более доступными, чем живущих!

Странно, однако.

Но таковы факты.

Тогда не будет ничего удивительного в том, что именно тело хранит настоящий секрет -- именно эти первые клетки или тот микроорганизм, насчитывающий несколько миллиардов лет, хранит то, что мы тщетно ищем со всеми нашими научными или интеллектуальными выдумками, именно этот первый спазм

"жизни", заключенный в пузырь, знает или рас-познает свой Нектар, свой "воздух" за пределами могил, свою ЖИЗНЬ, более полную, чем все наши жизни, свое дыхание, более мощное, чем все наши кислороды -- и, наконец, з н а е т не только выход из этой могилы, но и способ дать войти сюда другому воздуху, что повергнет наши стены.

Новая Жизнь.

Новая Земля.

Новая Эволюция -- Эволюция II.

Клеточный мост старых видов, который позволил бы перестроить свой мир и свое тело, как это было сделано на заре веков, но без того, чтобы умирать снова и снова в том или ином слепом каркасе, а для того, чтобы найти свой могущественный Секрет в широком рассвете и вызволить из вечности свой Нектар.

Ну и какая же сторона мертва?

О, Огонь, когда же ты
зажжешь для нас
свое грядущее
всевышнее пламя
и расширишь наше существо
Риг Веда, II.1.12

Глава 12

Пористое тело

ВСКОРЕ возникает другое явление сознания, со всех сторон накатывает несчастное массовое "роение" -- хотя не такое уж несчастное, в конце концов. Постепенно и много раз за день тело начинает осознавать, что оно воспринимает буквально все. Оно не может кого-либо видеть, читать письмо или просто слышать о ком-то или о событии в жизни, без того, чтобы не быть тотчас же захваченным, отягощенным или ударенным -- чаще всего, ударенным -- этим объектом. В своем сердце вы можете "охватить" какие-угодно вещи и страдания, одному только Богу известно какие, но в теле происходит нечто иное, временами даже опасное и болезненное, подобно невралгии или приступу болезни, и всегда происходит подавление, редко что-либо иное, как если бы вы немедленно проваливались назад, в смерть. Если бы не то другое, мощное дыхание, вы были бы в постоянной опасности -- но "то" отгоняет все прочь. Это дыхание обладает удивительной очищающей мощностью. Другими словами, тело начинает казаться пористым, по особому прозрачным и проницаемым, абсолютно пористым. До такой степени, что я не мог даже держать письмо, даже запереться в своей спальне, без того, чтобы тело не чувствовало этого "вторжения" или внедрения. Чаще всего, почти всегда, оно чувствует приход трудности или какого-либо человека, в тот момент, когда письмо еще лежит на местной почте или даже когда оно только касается атмосферы того континента, где находится тело. Вы становитесь

довольно ... тревожно уязвимы, но нет ничего, что "напугало" бы вас, есть тот другой воздух, который все расставляет по своим местам.

Должно быть, не один человек переживал такого рода явление с различной степенью интенсивности, не понимая, откуда оно пришло, и тела обычно защищаются черной броней окружающей среды.

Но этим все не кончается. Тело кажется не только пористым, проницаемым для всего, что происходит, но и распростертым везде, без барьеров. Причем тело скорее не "взирает" на нечто, близкий или далекий факт, происшествие, личность, а скорее внезапно обнаруживает себя в этом, как если бы оно было прямо погружено в ситуацию -- временами оно терзается, или же начинает беспомощно рыдать, как если бы оно было охвачено всеми печалью мира. Я не понимаю, почему так много мудрых и не очень мудрых людей восхищаются своим "космическим сознанием". Именно тело обладает космическим сознанием, абсолютно и непосредственно. Вы наголо раздеты, различные одеяния, покрывавшие вас, спали одно за другим -- и весь мир здесь. Среди тысяч примеров могу привести один -- и такие примеры чащи печальные, ведь радость редка в этой земной среде -- я вспоминаю одно событие, совершенно банальное, но достаточно хорошо объясняющее и обрисовывающее явление, распространяющееся повсюду. Я лежал на траве, мое тело отдыхало от "бомбардировки", или другими словами, расширялось в некоторую ясную и свежую среду, когда внезапно оно содрогнулось от крика: "Пьер! Пьер!...".

Что-то случилось с этим Пьером. Я связался с этим приятелем и вскоре узнал, что он упал с телеграфного столба, когда ремонтировал проводку, и случилось это примерно за четыре тысячи миль отсюда; он повредил свой позвоночник как раз в тот момент, когда я испустил крик. Что касается меня, то я ощущал боль в моей спине. И я бы удивился, если бы мой крик (конечно, я мгновенно оказался там) не удержал вещи от того, чтобы все произошло еще хуже. Я также бы удивился, если бы это была не разновидность некоторой вездесущности материи, раз уж она отбросила свою старую привычку быть человеком или ящерицей. Раз уж это просто тело посреди великого тела земли. К чему все эти разговоры о "психических" явлениях, когда клетки тела совершенно и просто "психичны", без надоедливых и высокопарных слов? И они не только ясновидящие и пористые, но и у них совершенно нет эго: "я" везде, грешник или святой, тупица или ученый.

Все же, это совершенно естественное "явление" имеет очень глубокое последствие для той работы, которая интересует нас: для эволюции старых видов на пути к само-разрушению и для становления следующей моды бытия, менее пагубной для планеты.

Это "бомбардировка", которую тело претерпевает день за днем, это вторжение или внедрение другого воздуха, другого дыхательного способа в эту беспреградную материю, и особенно в эти высшие позвоночники, являющиеся, помимо прочего, частью общей Материи, должны, несомненно, оказать некоторое ... непредсказуемое и травмирующее воздействие на этот старый клеточный и земной конгломерат, который использовался для того, чтобы быть "человеческим". Тот день, когда первая рыба смогла вылезти на берег в шкуре

амфибии, должен был иметь серьезные географические последствия, даже если другие рыбы не осознавали это -- да и как они могли узнать об этом?

Так что мы "высаживаемся" в другой воздух, который радикально изменит лицо Земли, воздух, который неумолимо бомбардирует и обрабатывает землю, чтобы выдвинуть вперед новый вид, способный переносить Нектар, который так жаждет земля, и жить им. По-правде говоря, никто и никогда не проделает эту работу эволюционного рождения ради своей собственной выгоды, скорее он будет умирать тысячи раз. Но сейчас мы умираем миллионы раз -- женщины, деревья, дети и прелестные птицы, все вместе -- и умираем варварской смертью.

Это вопрос жизни и смерти для всех видов, но разве была когда-либо жизнь при триумфальном шествии смерти, со времен первой могилы первого микроорганизма? На закате Эволюции I мы неумолимо перейдем в Эволюцию II, ведь где же на этой или другой Земле остановится эволюционная жажда? И почему бы не эта Земля перейдет в Эволюцию II, почему бы не с нашим телесным и сознательным сотрудничеством?

Шри Ауробиндо, позволивший бомбардировать и обрабатывать себя в течение сорока лет, день за днем, расчищавший проход для нового воздуха, новой движущей силы, которую он назвал "супраментальной", открывавший ворота следующему солнцу видов, так сказал о своей радикальной и настойчивой дисциплине:

"Если Сверхразум спустится в наше [Шри Ауробиндо и Матери] физическое, то это будет означать, что он спустился в Материю, и поэтому нет причины, почему бы он не мог проявиться в Садхаках [искателях] ... По крайней мере, вы допустите, что у меня есть материя, и вряд ли станете возражать, что материя во мне связана или даже составляет непрерывное целое (вопреки квантовой теории) с материей вообще?"

Таково общее и "пористое" погребение наших старых клеток, но такова также и "связанная" и равным образом прозрачная надежда на эволюционный прорыв, который высвободит эти миллионы тел, человеческих или нет, освободит их от привычки страдать и умирать.

"Спасение -- физическое", говорила Мать.

О, неистовые силы,
нашей земли славные побеги
проросли из своих корней,
сама земля
колышется и дрожит
и даже ее горы
Риг Веда, V.60.2

Лошади, которых
запрягло Дыхание Жизни
и хорошо запрягло
Риг Веда, V.31.10

Глава 13

Новая движущая сила

ЭВОЛЮЦИОННОЕ действие разворачивается, и кто может сказать, когда оно остановится? Я могу только установить т у т о ч к у, к о т о р о й я д о с т и г. Я знаю только орудие, средство, движущую силу -- и что могло первое земноводное знать о смеси кислорода, азота и аргона или о своей движущей и трансформирующей силе, которая привела к этому животному, наделенному мозгом? Верно, амфибия, снабженная дыхательными мешочками, встречала на своем пути неудачи и препятствия, которые вынуждали ее изменить свое устройство, что показывает, что "препятствия" и трудности всегда являются лучшими эволюционными средствами. И если мы столкнулись с невозможностью, тогда природа со смехом открывает нам двери, причем там, где мы менее всего этого ожидали. Мы забываем, что вечно находимся в стадии формирования. Наша технология заставила нас поверить, что единственные наши орудия являются технологическими -- что и есть наше препятствие -- и мы забыли, что являемся ничем иным, как глиной для обжига в ее загадочном тигле. Другие неудачи тоже могут хорошо подтолкнуть нас, и опять же там, где мы их никогда не ожидали.

Поэтому это открытие -- это невероятное открытие новых средств продвижения, новой созидательной мощи в старом животном теле, выпускает непредсказуемые побег. Это начало. Это новая "сила", и что она собирается делать?

Я могу рассказать о тех препятствиях, которые встречаются в теле, и эти препятствия являются самым надежным указателем на то, где будет следующая дверь.

День за днем я не переставал удивляться одному факту, факту, на который тело смотрело с некоторого рода изумлением. Это нечто подобное страшному чуду, если можно так выразиться. Ровно шесть лет назад новая Мощь начала бегать вдоль определенных "контурных линий" и следовать определенным колеям в сердцевине моей сопротивляющейся "железной болванки", и в течение шести лет эта необычайная спускающаяся плотность непрестанно нарастала -- дикое, невообразимое сокрушение, полностью "безрассудное" и немыслимое, все тело жило в нем, или через него, гадая каждый день, когда же это все кончится. Это "молния", о которой мы уже говорили, и тело с каждым днем все наполняется и наполняется, подобно бомбе. Каждый вечер оно говорит себе "это невыносимо", хорошо зная, что на следующий день "доза" будет еще сильнее. Не будь это "текучей средой", как сказал Шри Ауробиндо, вы были бы разорваны на кусочки, так же просто, как лопается мыльный пузырь, ибо что значит это ничтожное тело по сравнению с той Мощью? Но все же это "тверже алмаза" и вонзается -- во что?

Может даже показаться, что сопротивление или препятствие "растет" сильнее, чем та Мощь.

Но эти вещи всегда должны соответствовать друг другу: чем больше сопротивление, тем сильнее давление или бомбардировка, подобно тому, как когда алмазное сверло проделывает отверстие. Нечто совершенно безжалостное и настоящее. Все же "это" не превышает "дозволенной" меры, почитая отпущенный человеку срок.

Существует препятствие п о д с т у п н я м и, как я говорил, препятствие, кажущееся столь же обширным как и Земля (это та самая "связанная" или "непрерывная" Материя). Но эта телесная проводящая трубка, этот канал подвода другой Мощи не в точности прямолинеен и пробивает себе путь не только под ступни: одновременно он растачивает путь везде в теле, как если бы он должен был пробиться через мириады железных лабиринтов, которые сопротивляются так же, как все земное и субземное. Я думал, что может быть, стоит начертить или обрисовать главные циркуляционные тракты этого плотного воздуха, который проходит вниз до самых кончиков пальцев, и возможно, я смог бы увидеть (!), что эта система работает при механической поддержке наших старых легочных мешков, подобно двойному дыханию. Но это вовсе -- и абсолютно -- не подобно маленькой пневматической трубе, наполненной сжатым воздухом, или маленькому мешочку, наполненному кислородом. Это не локальное дыхание, не локализованное в какой-то грудной клетке: это т о т а л ь н о е дыхание, и "трубка", то есть основная линия спуска, разбухает или разветвляется на миллионы и миллиарды телесных ответвлений, по числу клеток, от головы до кончиков пальцев, где она наконец ударяет по той разновидности фундаментального базальта -- но "базальт" везде! Все тело набухает как раздутый баллон или как бомба с той невероятной плотностью, могущественной, повелительной, непреклонной, но везде, в конечном итоге, обнаруживается железная оболочка, в которую все ударяет и ударяет новое сокрушительное дыхание. В конце концов, если органы приспособляются к этому фантастическому "текущему давлению", если сердце и мозг и клетки переносят сокрушительные удары, но остается одна вещь, которая это совсем (или пока?) не переносит -- скелет. Это хитроумное приспособление со всевозможными многочисленными соединениями, суставами, сухожилиями, отростками и бог весть чем еще, упрямо становится п р о т и в этой крушащей текучести. "Что касается меня", -- говорит он, -- "то я фиксирован; ваш новый воздух может быть очень хорош для медузы, но не для позвоночных". И эта Мощь растет изо дня в день, новый воздух становится все плотнее и плотнее, в точной пропорции со встречаемым им сопротивлением -- и что же дальше произойдет?

"Вынуждать" означает идти вперед.

В потоках
обильно льющегося разлива
они очистили себя
и схватили себя
со своими судьбами,
и здесь

они раскрыли материальный холм
Риг Веда, V.52.9

Глава 14

Три компоненты Эволюции II

Я не знаю, чему вскоре суждено произойти: я переживаю события изо дня в день. Я становлюсь этим. В действительности, я могу следить за событиями как в ежедневной газете, так и в своем теле -- с равным успехом. Ибо существует только о д н о земное тело, не зависимо от того, что мы об этом думаем в наших узких границах.

И то, что интересует меня, это не столько индивидуальное тело и его будущая судьба, как наше великое тело и общее побуждение.

Побуждение существует.

Мы, или по крайней мере я, склонны смотреть на явления глазами Дарвина. В этом нет ничего страшного, но у нас больше нет тех миллионов лет и поколений, чтобы менять один панцирь на другой, улучшать какой-либо -- сейчас раскалывается наш целостный земной панцирь. И все же все подчиняется некоему закону.

Но это больше не старый закон, я знаю это по собственному телу, и знаю, что именно этому сейчас вынуждено обучаться великое земное тело.

Существует новый закон.

Закон, который действует более не в соответствии с нашими ртутными столбиками, нашими атмосферными давлениями и нашими разрушительными машинами, ведь все наши изобретения, основанные на наших законах, являются продуктами разрушения, которое в свою очередь вызывает другое разрушение и так далее, пока не приходит смерть. Мы лечим одну гадость другой.

Вряд ли я смогу вывести формулу нового закона, как это не смогла бы сделать рыба для описания суши в терминах своих "водных уравнений": она бы попросту сказала: "Вы умрете от этого". То, что мое тело смогло как-то просто сказать об этом новом законе и новой среде, может быть выражено в двух словах: "Это анти-смерть".

Но будьте осторожны! Новый закон совершенно смертелен для всего того, что х о ч е т умереть и для всего того, что живет смертью.

Мы все живем смертью. Это наше главное занятие и главная трудность. Наша жизнь -- это смерть. Очень трудно расстаться с теми миллионами лет, вошедшими в привычку. Очень тяжело научиться жить другой жизнью, оставаясь в старом каркасе, трещащем по всем швам. Новый закон может быть усвоен лишь шаг за шагом -- мы принуждаемы освоить его совершенно радикально.

Сначала мы можем рассмотреть это индивидуальное маленькое тело, а затем великое общее побуждение. Но разворачивается одна и та же "вещь".

* *

Поначалу кажется, что индивидуальное тело начинает преследовать две возможности. Оно имеет два вида переживаний, но переживание должно быть повторено тысячи раз, прежде чем тело поймет и станет верно ему следовать -- все происходит очень медленно. Одно переживание относится к сопротивлению старого эволюционного каркаса, другое -- к новому дыханию. Кости -- это то, что более всего сопротивляется, и это то, что в конце концов остается в ящике. Скелет сильно протестует против того, чтобы быть раздавленным этой спускающейся плотностью: чем больше она давит, тем больше он сопротивляется -- и, возможно, что само это сопротивление дает ключ к преодолению трудности: оно выковывает ключ точно также, как были выкованы остальные ключи мира. Решение находится или раскрывается в препятствии.

Всякое сопротивление, как известно, порождает тепло -- сопротивление мира сейчас порождает особый жар. Но в индивидуальном теле этот жар очень странно проявляется. Как то "сокрушение" или "давление", не в пример геологическому молоту, не разрушает ничего, потому что оно "текучее", оставаясь в то же время "тверже алмаза", точно также и это тепло, не в пример топке, не сжигает и не приводит к повышению температуры, и все же в то же самое время погружает тело в некоторый ... умеренный кипяток. Глобальный кипяток.

Древние Риши знали этот Огонь, они называли его А г н и. Тело попросту чувствует себя бурлящим и лопающимся, но без того, чтобы буквально кипеть или гореть, а охваченным необычным жаром, не регистрируемым термометрами -- как это не могло бы показаться странным. Но проходит длительное время, прежде чем тело не усвоит, что на самом деле нет "закона мозга" или "закона сердца" или любого другого физиологического закона -- оно ЗНАЕТ. И оно знает, что пока оно еще связано другим законом -- законом скелета. Шри Ауробиндо, изучавший эту "проблему" во всех подробностях, попросту отметил, что существует более тонкий механизм, чем происходящий в циклотронах:

"Тонкий процесс будет более мощным, чем грубый, так что Агни сможет произвести такое тонкое действие, на которое сейчас требуется некоторое физическое изменение, как увеличение температуры."

Также и атомы смогут претерпеть некоторое изменение организации под действием этого Огня, что не сожжет вас дотла, как новое дыхание не душит вас. Прометей тоже хотел принести божественный Огонь людям, но кто хочет этого? Чтобы изменить свойства тела, достаточно изменить его атомную структуру, говорит нам Наука, но все тела и формы на земле составлены из одних и тех же атомов. Существуют не тысячи тел, тел рыб или обезьян или людей, в каждом из которых должны происходить различные "процессы": существует одно единственное тело, и один единственный идентичный процесс.

И существует один единственный инструмент, та Мощь или новая Энергия, вынуждающая сейчас этот мир преобразовываться в нечто иное.

У меня было единичное переживание, неизменно длившееся несколько дней подряд, и исчезнувшее затем без видимой причины. Может быть, оно было просто для того, чтобы показать телу: "Смотри, это тоже возможно". Может быть, мы должны подождать до тех пор, пока в с е не будет готово в великом земном тигле ... Вместо обычного крушения под ударами плотного и бомбардирующего дыхания все происходило так, как если бы (но происходило реально, без всяких "если бы") "текучесть" стала преобладать над "алмазной твердостью" этого процесса: полное затопление! Хлынувший поток плотного воздуха, но воздуха тем не менее, струящийся через все тело, прокатывающий через него свои волны, наполняющий тело ощущением легкости и мощи, и все снова и снова. Поистинне как если бы кости стали какими-то кипящими хрящами без какого-то ни было сопротивления, или возможно, как если бы та "молниеподобная" и волнообразная текучесть проходила бы через них как через некую иллюзорную стенку, растворяющуюся и уходящую в свою интра-атомную пустоту. И все было закручено в волну и наполнялось восторженной легкостью -- возможно, подобно медузе!

Внезапно появлялась новая структура, которой не требуется ждать дарвинской благоприятной среды и медленных модификаций каркаса при эволюции одного вида к другому. Эта плотность держит вас прямо, безо всякой конструкции, благодаря единственной мощности ... текучей плотности.

Ничего не разрушено, и все изменено.

Но, странно, эта плотность или Энергия является одновременно вашей структурой и вашим дыханием. Два величайших эволюционных ингредиента соединились вместе.

Первой заботой всех прежних видов, включая наш, была пища. Но старый закон определен и автоматичен: поедающий будет съеден. Как сформулировала Мать: "Пища содержит в себе зерно смерти". Мне показали, но не через переживание тела, а через ту разновидность видения за пределами могил -- через видение тела, когда оно одной ногой стоит по эту сторону могил, а другой - по ту -- что это новое дыхание п и т а т е л ь н о е.

Питательный воздух.

Три компоненты Эволюции II слились вместе.

*

* *

Но если даже одна из компонент Эволюции II сможет просочиться хоть на дюйм в первое животное из плоти и крови, то это будет означать, что она просочилась во всех животных, сделанных из той же субстанции.

Таков наш хаос. И наша надежда.

И если она просочится, то это будет означать конец всем нашим искусственным приспособлениям и уловкам. Ведь та Мощь создаст все свои средства через единственную силу своего сознания.

Новая вселенная действия и взаимодействия.

Тот из вас, кто пробудился
к знанию тайной вещи,
подобен Ребенку
дающему рождение собственной матери

Риг Веда, I.95.4

Грядущий шторм
с колесницей, полной Вод
выравнивает
друг с другом
высокие и низкие места
Риг Веда, V.83.7

Глава 15
А эта Земля?

НАШ мир очень хаотичен, что я непосредственно ощущаю в своем теле -- кажется, что все мы направляемся к смерти и разрушению, как вымирающие динозавры. И будем откровенны, наш Франкенштейн опасен.

Все же это совсем не полная безнадежность.

Никогда прежде не было столь плодородного времени, несмотря на все разрушения. Никогда прежде Человек не находился на столь опасном распутье -- никогда прежде первый вопрос, рожденный с первой могилой и с первым убийством простейшего животного, не достигал такой остроты, как с Человеком. По крайней мере, мы можем осознать, что не только наша цивилизация является цивилизацией смерти, но и мы находимся в Эволюции Смерти.

И Эволюция, даже эволюция смерти, в с е г д а оправляется от ударов и находит непредсказуемое решение в том самом препятствии, которое встало на пути. Мы могли бы прийти в отчаяние в эпоху начала века (b e l l e e r o q u e), в 1900, когда наши бабушки прогуливались в экипажах, затянутые в корсеты по нескончаемым Воскресеньям, но сейчас, по крайней мере, все опустошено, все открыто, ясно видны кишащие на трупе черви -- чем мы всегда и были.

Эпиктет, когда его привели в Рим в качестве раба, уже знал это: "Маленькая душа, несущая труп". Нас некуда забирать как рабов: рабство повсюду.

И как раз потому что сегодняшнее время так безнадежно, это Время Надежды.

Мы предлагаем не метафизику, а новую физику, принуждающую нас изменяться под действием той самой вещи, которая нападает на нас и мучит нас -- и эта новая физика н е м о ж е т вырасти из нашей нравственности и добродетели, она н е м о ж е т раскрыть себя или проявиться, пока мы обращаем наши взоры к небесам в поисках "спасения", или пока мы ждем от нашей Науки некоторой панацеи от всех наших бед. Мы покончили со всеми

нашими средствами -- осталось только последнее, настоящее, заключенное в нашем собственном теле, которое, возможно, содержит свои собственные небеса, прямо "связанные" со своей собственной смертью.

Я коротко повторю слова Шри Ауробиндо, но с позиции ясного сознания тела, которое жило и живет этим: "Это пересечение линии, будучи обращенным ... к нисходящей цели, будет означать трансформацию ментальной черты из того, чем она сейчас является, из крышки, барьера, в место прохода высших мощностей сознания Существа, находящегося сейчас над ней. Это будет означать новое творение на земле, привнесение предельных мощностей, которые перевернут условия здесь".

Привнесение, или вторжение.

С 1950 г., когда ушел Шри Ауробиндо, и даже еще в большей степени с 1973 г., когда ушла Мать -- первые "нефтяные войны" -- наш мир захвачен небывалым ускорением. Но, как и всегда, мы неправильно читаем знаки, потому что смотрим на все сквозь наши гомоцентрические очки. Эта ужасная негативность Земли чрезвычайно Положительна, как извержение неизвестного вулкана, приносящее нам неизвестные сокровища: наши новые Средства.

Вторжение божественного огня на Землю, освобожденная надежда Прометея.

Соединение небес с землей через стены нашей могилы.

Этот Огонь выжигает из земли все: добро и зло, прекрасное и отвратительное, истину и ложь -- жизнь и смерть -- как если бы одно было просто изнанкой другого, или одной и той же стороной единственной Лжи. И теперь мы начинаем понимать, что в с е убого тождественно. И что мы всегда жили по одну сторону истины-лжи, прекрасного-отвратительного, жизни-смерти, подобно акуле под водой.

Могущественные воды вымывают нашу иллюзию, которая была не Буддистской. Устрашающая движущая Сила сейчас крушит, разбивает и сметает наши стены повсюду, в самых потаенных уголках нашей человеческой Нации. Ничто не устоит, будьте уверены.

Ничто?

Этого слова нет в нашем словаре четырех-миллиардной давности.

Могущественное "нечто" затопляет всех людей под их золотыми руинами. Неизвестный им, новый -- или вечный -- огонь пульсирует в их клетках и распространяется через все их пористые тела -- и они бьются, напряженно трудятся и сражаются на берегу Земли, который, как им казалось, они так хорошо знали, но который с любой стороны ускользает, как песок сквозь пальцы.

Эволюционный прорыв сделан, и мы сейчас живем вопреки самим себе.

Смерть разражается повсюду, но это крышка нашей могилы. Новое солнце жжет и взбалтывает и лущит эти маленькие тела, находящиеся в бедственном положении. И новое дыхание, взваленное сейчас на наши побитые плечи, когда-то внезапно испустит свой неожиданный нектар.

И явится настоящая земля.

И настоящие люди.

Все, что требуется, это крик в этой человеческой магме, простой маленький зов, который может испустить задыхающийся ребенок, и первая нить появится, Бог весть откуда, как в лесах Верьера, будет установлен первый контакт и мост к тому мощному источнику, который "обратит условия здесь".

Тогда бессмертная жизнь потечет капля за каплей через наши легкие, чтобы переформировать нас в соответствии с ее ... таинственным законом.

27 февраля 1992

Постскриптум

Мы не знаем тайных пружин жизни, которые могли бы изменить судьбу, или мир. Величайшие секреты столь просты, что они ускользают от нашего взгляда, подобно птице, не видимой на фоне листвы

которая внезапно подаст голос
и все придет в волнение
и жизнь изменит курс.

Сейчас я вижу так ясно судьбу людей и их сокрытую -- и явную -- мощь. Я слышу в отдалении горький голос Еврипида: "Путь здесь, и никто не может увидеть его". Я слышу нежный голос Антигоны: "Слезы иссякли, одна я осталась, что за правосудие сослало меня вниз, в эту темницу, в эту неслыханную могилу? Ио! Несчастливая изгнанница, отвергнутая живыми и мертвыми, не жива и не труп ... ". Ио! Ее крик разносится эхом снова и снова, с зари веков я слышу этот крик на наших устах, принесший нам так много печалей, и я знаю секрет, столь простой, что никто не слышит его. Какими мыслями занят ты, человеческий брат, здесь, на улице? Ведь эти мысли есть то, чем ты становишься. Каков твой крик, здесь, в повседневной суете? Ведь этот крик есть то, что делает тебя -- ч е м ? Человеком, обезьяной, другой тварью из миллионов? Или другим неслыханным существом, Ио! вырвемся из темницы?

Это так просто, что мы не думаем об этом.

Так что вам, братья, кто не думал об этом, я хочу сказать, что биения ваших сердец, столь тщетные и столь мощные -- если только вы задумаетесь над этим хоть на мгновение, и ваши сердца перестанут биться впустую. Так что, без рифмы или объяснений, только с моей любовью, позвольте мне сказать, что

Ваша печаль на улице
и в толпе
не тщетна
Разве вы не знаете
что мы приходим
отовсюду
Помните, помните

здесь на ваших бульварах скорби
Зовите, зовите
тот великий забытый День
ту великую потерянную Ширь
Очистите вашу старую ночь лжи
Очистите ваши стремления и печали,
ваши утомительные бесполезности
ваши ничто из ниоткуда
Закричите, закричите от самого сердца
вашего сердца
и это придет и охватит вас,
наполнит вашу печаль, вашу ночь, ваше ничто
и переполнит вас неожиданной
сладостью
как было в начале Времен
как если бы ничто
никогда
не было известно или понято
сохраните эту пульсацию
без языка, без возраста,
эту всемогущую пружину
единственную секунду, что верно бьется
Ведь сейчас время для все-возможного
Ведь сейчас время для другого Века
если вы хотите этого, если вы действительно
обратите ваши мысли к этому
Схватите, схватите золотую нить
здесь, сейчас
на ваших бульварах Скорби
и испустите ваш НАСТОЯЩИЙ крик
и ваши могилы откроются
и Судьба будет изменена.



С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

